

EDWARD, 1891

Торантій

Новые
переводы
классиков

AETERNA
Toronto, 2016

*Квинта
горация флакка*

двадцать
четыре
избранные
оды

въ переводѣ
Алексѣя
Кокотова

Carmina II

Maecenas, atavis edite regibus,
o et praesidium et dulce decus meum!
sunt quos curriculo pulverem Olympicum
collegisse iuvat, metaque fervidis

evitata rotis palmaque nobilis
terrarum dominos evehit ad deos;
hunc, si mobilium turba Quiritium
certat tergeminis tollere honoribus;

illum, si proprio condidit horreo
quidquid de Libycis verritur areis;
gaudentem patrios findere sarculo
agros Attalicis condicionibus

numquam demoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare;
luctantem Icariis fluctibus Africum
mercator metuens otium et oppidi

laudat rura sui, mox reficit rates
quassas, indocilis pauperiem pati;
est qui nec veteris pocula Massici
nec partem solido demere de die

Правнукъ — царямъ, мнѣ — защита и слава,
Знаешь ли, сколькимъ другимъ, Меценатъ,
Пыль поднимать на аренахъ по нраву,
Ловко мѣту огибая семь кратъ?

Этотъ, побѣдною вѣтвью увитый,
Ввысь олимпійской стремится тропой;
Ну, а того, по капризу, квириты
Преторомъ грознымъ взнесутъ надъ толпой.

Тотъ — будетъ счастливъ, въ амбары ссыпая
Всѣ урожаи ливійскихъ полей;
Этому отчая пашня скупая
Злата дороже пергамскихъ царей —

Он не покинетъ ее, чтобы вольно
Кипрской сосною волну разсѣкать.
Гаванью тихой торговцы довольны —
Счастья за Самосомъ что имъ искать?

Но корабли свои все-таки чинять,
Голода и разоренья боясь.
Пиюсъ массивкаго ополовинить,
Подъ земляничной листвою развалюсь,

spernit, nunc viridi membra sub arbuto
stratus, nunc ad aquae lene caput sacrae;
multos castra iuvant et lituo tubae
permixtus sonitus bellaque matribus

detestata; manet sub Iove frigido
venator tenerae coniugis inmemor,
seu visa est catulis cerva fidelibus,
seu rupit teretes Marsus aper plagas.

me doctarum hederæ præmia frontium
dis miscent superis, me gelidum nemus
Nympharumque leves cum Satyris chori
secernunt populo, si neque tibus

Euterpe cohibet nec Polyhymnia
Lesboum refugit tendere barbiton.
quodsi me lyricis vatibus inseres,
sublimi feriam sidera vertice.

У родника заповѣднаго цѣлый
День избывая, счастливецъ иной.
Звукомъ трубы – упивается смѣлый
И – матерямъ ненавистной – войной.

Подъ небомъ зимнимъ охотникъ помчится;
Что ему, ярому, домъ и жена –
Если собаки подняли волчицу
Или порвавшего съѣсть кабана.

Мнѣ жъ вкругъ ученаго лба обовьются
Вѣтви плюща – и приближусь къ богамъ –
Въ рощахъ, гдѣ нимфы съ Сатиромъ смѣются;
Черни къ себѣ подойти я не дамъ.

Если звучанію лиры при этомъ
Музы дадутъ гармоническій строй,
Если причислишь меня ты къ поэтамъ –
Звѣздъ въ вышинѣ я коснусь головой.

Carmina I II

Iam satis terris nivis atque dirae
grandinis misit pater, et rubente
dextera sacras iaculatus arcis
    terrui urbem,

terrui gentis, grave ne rediret
saeculum Pyrrhae nova monstra questae,
omne cum Proteus pecus egit altos
    visere montis,

piscium et summa genus haesit ulmo,
nota quae sedes fuerat columbis,
et superiecto pavidae natarunt
    aequore dammae.

vidimus flavom Tiberim retortis
litore Etrusco violenter undis
ire deiectum monumenta regis
    templaque Vestae,

Тонемъ мы въ снѣгу, сыплетъ градъ зима,
Огненнымъ копьемъ небосводъ распоротъ;
Бьетъ оно и бьетъ въ два святыхъ холма —
Въ страхѣ замеръ городъ.

Въ страхѣ мнится — вѣкъ Пирры снова тутъ;
Знаменья дурны — всюду моръ, раздоры;
И бѣжалъ Протей, и быки бѣгутъ
Отъ потопа въ горы;

Рыба межъ стволовъ вязовыхъ лѣсовъ
Ходитъ косякомъ словно въ океанѣ;
И плывутъ поверхъ бѣшенныхъ валовъ,
Обезумѣвъ, лани.

Видимъ то же мы и средь нашихъ дней —
Желтый Тибръ, кипя, до святого мѣста
Досягнулъ, чтобъ смыть статуи царей
Вмѣстѣ съ храмомъ Весты.

Iliae dum se nimium querenti
iactat ultorem, vagus et sinistra
labitur ripa Iove non probante u-
xorius amnis.

audiet civis acuisse ferrum,
quo graves Persae melius perirent,
audiet pugnas vitio parentum
rara iuventus.

quem vocet divum populus ruentis
imperi rebus? prece qua fatigent
virgines sanctae minus audientem
carmina Vestam?

cui dabit partis scelus expiandi
Iuppiter? tandem venias precamur
nube candentis umeros amictus
augur Apollo;

sive tu mavis, Erycina ridens,
quam Iocus circum volat et Cupido;
sive neglectum genus et nepotes
respicis auctor,

heu nimis longo satiate ludo,
quem iuvat clamor galeaeque leves
acer et Marsi peditis cruentum
vultus in hostem;

Илію-жену слушаю свою,
С лѣваго всѣ снести берега селеня
Мужь-потокъ спѣшитъ, даже противъ Ю-
питера велѣнья.

Малочисленны, дѣти наши зрятъ
Римлянъ предъ собой, что въ безумьѣ пьяномъ
Сами на себя копія острятъ,
Не отмстивъ пареянамъ.

И къ богамъ какимъ намъ идти съ мольбой —
Знать не знаемъ мы; жребій Рима жалокъ.
Весты замкнутъ слухъ — и напрасенъ вой
Дѣвственныхъ весталокъ.

Кто, Юпитерь, кто намъ вину простить?
Аполлонъ-пророкъ, скрыть неопалимымъ
Облакомъ до плечъ, милость намъ явить
Въ блескъ нестерпимомъ?

Или, можетъ, ты намъ прощенье дашь,
Радостно смѣясь въ играхъ, Афродита?
Или вспомнить вдругъ прародитель нашъ
Про народъ, столь сытый

Долгой столь — увы! — бранною игрой?
Слишкомъ любить Марсъ яростные клики,
Пѣхотинцевъ бой, кровь враговъ рѣкой,
Взоръ убійцы дикій!

sive mutata iuvenem figura
ales in terris imitaris almae
filius Maiae patiens vocari
Caesaris ultor –

serus in caelum redeas diuque
laetus intersis populo Quirini,
neve te nostris vitiis iniquum
ocior aura

tollat; hic magnos potius triumphos,
hic ames dici pater atque princeps,
neu sinas Medos equitare inultos
te duce, Caesar.

Иль крылатый богъ, Майей порожденъ,
Юный на землѣ, станетъ намъ спаситель?
Первое теперь из его именъ —
Кесаря отмститель.

Оставайся тутъ, снизойдя съ высотъ,
Риму не снести твоего ухода.
Вѣтеръ вдругъ тебя да не унесетъ
За грѣхи народа.

Празднуй свой триумфъ, принцепсъ и отецъ,
Ты водитель намъ и вѣнецъ желаній;
Подъ твоей рукой дрогнуть наконецъ
Конные парѣяне!

Carmina I III

Sic te diva potens Cypri,
    sic fratres Helenae, lucida sidera,
ventorumque regat pater
    obstrictis aliis praeter Iapyga,

navis, quae tibi creditum
    debes Vergilium, finibus Atticis
reddas incolumem precor
    et serves animae dimidium meae.

illi robur et aes triplex
    circa pectus erat, qui fragilem truci
commisit pelago ratem
    primus, nec timuit praecipitem Africum

decertantem Aquilonibus
    nec tristis Hyadas nec rabiem Noti,
quo non arbiter Hadriae
    maior, tollere seu ponere volt freta.

quem mortis timuit gradum
    qui siccis oculis monstra natantia,
qui vidit mare turbidum et
    infamis scopulos, Acroceraunia?

Да отпустить Эоль изъ пещеры
Только Япига — съ запада дуть,
Пусть съ согласья всевластной Венеры
Касторъ съ Поллуксомъ вызвѣздать путь —

Чтобъ корабль, на которомъ Вергилій
Вдаль уплылъ, средь безбурной тиши
До Эллады дошелъ безъ усилій.
Полдуши онъ моей, полдуши!

Грудь подъ мѣдью да въ три оборота
У того, кто свой страхъ поборовъ,
На скорлупкѣ, сквозь водовороты,
Противъ южныхъ смертельныхъ вѣтровъ

Въ путь опасный пустился впервые
Сквозь завѣсу чернѣющей мглы —
Гдѣ Гіады висятъ дождевыя
И ревуть и бушуютъ валы.

Развѣ смерти какой-то боится,
Ея вкрадчиво-тихихъ шаговъ,
Тот, кто видѣлъ, какъ бездна клубится
У подножія Мыса Громовъ?

nequiquam deus abscedit
prudens Oceano dissociabili
terras, si tamen inopiae
non tangenda rates transiliunt vada.

audax omnia perpeti
gens humana ruit per vetitum nefas,
audax Iapeti genus
ignem fraude mala gentibus intulit;

post ignem aetheria domo
subductum macies et nova febrium
terris incubuit cohors,
semotique prius tarda necessitas

leti corripuit gradum.
expertus vacuum Daedalus aera
pinnis non homini datis;
perripit Acheronta Herculeus labor.

nil mortalibus ardui est –
caelum ipsum petimus stultitia neque
per nostrum patimur scelus
iracunda Iovem ponere fulmina.

Тщетно богъ разсудилъ осторожно
Межь земель Океанъ положить,
Чтобъ скорлупамъ никакъ не возможно
Было дерзко его переплыть.

Дерзновенно святые запреты
Напроломъ родъ проходить людской;
Столь же дерзко огонь сынъ Япета
Намъ уловкой добыль плутовской.

Домъ коварно ограбленъ воздушный —
И тотчасъ же недуги толпой
Осаждать стали родъ непослушный,
Стала смерть тамъ поспѣшной стопой

Проходить, гдѣ была такъ лѣнива.
Богъ намъ крыльевъ къ спинѣ не придалъ —
Но, безчинный, на нихъ горделиво
Пустотѣ бросилъ вызовъ Дедалъ.

Нѣтъ для глупости смертныхъ преграды,
Все хотятъ противъ неба возстать —
И все время Юпитеру надо
Въ нихъ безъ устали громы метать.

Carmina I IV

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni,
trahuntque siccas machinae carinas,
ac neque iam stabulis gaudet pecus aut arator igni,
nec prata canis albicant pruinis.

iam Cytherea choros ducit Venus imminente luna,
iunctaeque Nymphis Gratiae decentes
alterno terram quatiunt pede, dum gravis Cyclopum
Volcanus ardens visit officinas.

nunc decet aut viridi nitidum caput impedire myrto
aut flore, terrae quem ferunt solutae;
nunc et in umbrosis Fauno decet immolare lucis,
seu poscat agna sive malit haedo.

pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
regumque turris. o beate Sesti,
vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam;
iam te premet nox fabulaeque Manes

et domus exilis Plutonia; quo simul mearis,
nec regna vini sortiere talis,
nec tenerum Lycidan mirabere, quo calet iuventus
nunc omnis et mox virgines tepebunt.

Подъ западнымъ вѣтромъ зима ослабѣла,
Очагъ земледѣльцу и стаду закутъ
Давно опостылѣли, и корабелы
Сухія скорлупы свои волокутъ.

И полной луной озарилась Цитера,
И оземь стопою тамъ граціи бьютъ,
И хоромъ веселая править Венера,
И въ кузницахъ цѣпи циклопы куютъ.

Свободна земля и покрыта цвѣтами,
Подъ темные своды лѣсные войдемъ,
И, головы наши украсивъ вѣнками,
Для Фавна козленка съ собой принесемъ.

Но смерти угрюмой, о милый мой Сестій,
Стучится равно равнодушно рука
Въ ворота трущобъ и богатыхъ предмѣстій,
И тщетны надежды, и жизнь коротка.

По жребію на предсѣдательскомъ мѣстѣ
На пирѣ не сядешь, очнувшись у Манъ.
Съ мужами въ Ликида не вступишь въ вмѣстѣ —
Что будетъ и двѣмъ въ мученіе данъ.

Carmina IV

Quis multa gracilis te puer in rosa
perfusus liquidis urget odoribus
grato, Pyrrha, sub antro?
cui flavam religas comam,

simplex munditiis? heu, quotiens fidem
mutatosque deos flebit et aspera
nigris aequora ventis
emirabitur insolens,

qui nunc te fruitur credulus aurea,
qui semper vacuum, semper amabilem
sperat, nescius aurae
fallacis. miseri, quibus

intemptata nites. me tabula sacer
votiva paries indicat uvida
suspendisse potenti
vestimenta maris deo.

И розовый запах подъ сводомъ разлить —
Ты груди свои умастила,
И мальчикъ пылаетъ и къ ложу тѣснить,
И волосы ты распустила.

Неопытный! Сколько ему горевать —
Его оттолкнуть раздраженно;
Что море умѣетъ еще бушевать,
Увидить онъ вдругъ изумленно.

Онъ вѣритъ, несчастный, что вся ты его,
Не зная, что взоръ твой скрываетъ,
Какъ можно въ отчаянье впасть оттого,
Что вѣтеръ измѣнчивъ бываетъ;

Не вѣдаетъ ужаса чуждыхъ мнѣ грозъ —
Безтрепетный, не безъ урону
Я спасся и, влажные, въ жертву принесть
Одежды свои Посейдону.

Carmina I IX

Vides ut alta stet nive candidum
Soracte, nec iam sustineant onus
silvae laborantes, geluque
flumina constiterint acuto?

dissolve frigus ligna super foco
large reponens atque benignius
deprome quadrimum Sabina,
o Thaliarche, merum diota.

permitte divis cetera, qui simul
stravere ventos aequore fervido
deproeliantis, nec cupressi
nec veteres agitantur orni.

quid sit futurum cras, fuge quaerere, et
quem Fors dierum cumque dabit, lucro
adpone, nec dulcis amores
sperne puer neque tu choreas,

Смотри – въ снѣгу Сорактъ, и лѣсъ подъ нимъ
Совсѣмъ уснулъ, покрытый ношей бѣлой.

Потокъ знакомый – недвижимъ
Подъ коркою оледенѣлой.

Такъ разожги скорѣе докрасна
Очагъ въ дому, какъ должно въ эту пору.

Четырехлѣтняго вина
Плесни смѣлѣе изъ амфоры.

И предоставь все прочее богамъ,
Вѣдь имъ однимъ грядущій жребій ясенъ –

Пусть буря мчится къ берегамъ,
Пусть не шелóхнетъ вѣткой ясенъ.

Что въ будущемъ таится – не гадай,
Въ прибытокъ – все, что дальше ни случится;

Зоветь любовь – не избѣгай,
Танцуютъ – нужно веселиться.

donec virenti canities abest
morosa. nunc et campus et areae
    lenesque sub noctem susurri
        conposita repetantur hora,

nunc et latentis proditor intumo
gratus puellae risus ab angulo
    pignusque dereptum lacertis
        aut digito male pertinaci.

Еще расцвѣтъ, и старость далека.
И въ радость — звонъ мечей и конскій топоть;
И ночью ты навѣрняка
Услышишь чей-то тихій шопоть;

Найдешь ее — все выдастъ нѣжный смѣхъ!
Въ залогъ любви съ руки ея проворно
Кольцо ты снимешь безъ помѣхъ;
Чинимы тѣ — полупритворно.

Carmina I XI

Tu ne quaesieris, scire nefas,
quem mihi, quem tibi
finem di dederint, Leuconoe,
nec Babylonios
temptaris numeros. ut melius,
quidquid erit, pati.
seu pluris hiemes seu tribuit
Iuppiter ultimam,

quae nunc oppositis debilitat
pumicibus mare
Tyrrhenum. sapias, vina liques,
et spatio brevi
spem longam reseces. dum loquimur,
fugerit invida
aetas. carpe diem, quam minimum
credula postero.

Непотребны, Левконоя,
    вавилонскія гаданья,
Ты не визнаешь что будетъ,
    ни съ тобою, ни со мной.
Что ни дастъ Юпитеръ – примемъ,
    все – и радость и страданья;
Знать, бушуетъ *наше море*
    не послѣднею зимой.

Сколько будетъ ихъ? Не знаемъ –
    предсказанье непонятно,
Нацѣди вина побольше
    и надежды поумѣрь.
Мы бесѣдуемъ, а время
    убѣгаетъ безвозвратно;
День лови и будь довольна,
    а грядущему – не вѣрь.

Carmina I XIII

Cum tu, Lydia, Telephi
    cervicem roseam, cerea Telephi
laudas bracchia, vae, meum
    fervens difficili bile tumet iecur.

tum nec mens mihi nec color
    certa sede manet, umor et in genas
furtim labitur, arguens
    quam lentis penitus macerer ignibus.

uror, seu tibi candidos
    turparunt umeros inmodicae mero
rixae, sive puer furens
    inpressit memorem dente labris notam.

non, si me satis audias,
    speres perpetuum dulcia barbare
laedentem oscula, quae Venus
    quinta parte sui nectaris imbuit.

felices ter et amplius
    quos inrupta tenet copula nec malis
divolsus querimoniis
    suprema citius solvet amor die.

Лидія, я – каменю,
Если Телефа ты хвалишь;
Молвивъ «Какъ онъ розовъ шей!»
Пиюсь желчи мнѣ прибавишь.

Тутъ же я въ лицѣ мѣняюсь,
Голову совсѣмъ теряя,
И слезами обливаюсь,
Черной ревностью стгорая.

О, какъ ты хохочешь грубо,
Распустивъ тугія косы!
У, какъ вспухли твои губы
Отъ зубовъ молокососа!

Тутъ ничто не обнадѣжить;
Бросить онъ – какъ ни люби ты, –
Разъ такъ варварски корезить
Даръ нѣжнѣйшій Афродиты.

Знай – блаженна та трегубо,
Кто, вдали отъ круговерти,
Любитъ только однолюба,
Вѣрнаго до самой смерти.

Carmina I XVIII

Nullam, Vare, sacra vite prius severis arborem
circa mite solum Tiburis et moenia Catili.
siccis omnia nam dura deus proposuit, neque
mordaces aliter diffugiunt sollicitudines.
quis post vina gravem militiam aut pauperiem crepat?
quis non te potius, Bacche pater, teque, decens Venus?
ac ne quis modici transiliat munera Liberi,
Centaurea monet cum Lapithis rixa super mero
debellata, monet Sithoniis non levis Euhius,
cum fas atque nefas exiguo fine libidinum
discernunt avidi. non ego te, candide Bassareu,
invitum quatiam, nec variis obsita frondibus
sub divum rapiam. saeva tene cum Berecyntio
cornu tympana, quae subsequitur caecus amor sui
et tollens vacuum plus nimio gloria verticem
arcanique fides prodiga, perlucidior vitro.

Около Тибура, за его оградой
Не сажай деревьевъ раньше винограда.
Пьемъ мы, чтобъ заботы насъ не удручали —
Въ воздержаньѣ трезвомъ, Варъ, однѣ печали.
Тот, кто, выпивъ, славить Бахуса-папашу —
Не клянеть военну тяжку службу нашу.
Помни только мѣру — Либеръ мститъ буяну;
И кентавръ съ лапифомъ стали биться спяну.
Должное съ недолжнымъ сходствуютъ отчасти,
Пусть хмельныхъ ѳракійцевъ разбирають страсти;
Я же зло и благо различить умѣю,
Роцъ святыхъ не выдамъ бога Бассарея.
Глурымъ барабанамъ, берекинтскимъ трубамъ
Можно утѣшаться самохвальствомъ грубымъ,
И съ бахвальствомъ пьянымъ и пустоголовымъ
Выдавать секреты неразумнымъ словомъ.

Carmina I XXII

Integer vitae scelerisque purus
non eget Mauris iaculis neque arcu
nec venenatis gravida sagittis,
Fusce, pharetra,

sive per Syrtis iter aestuosas,
sive facturus per inhospitalem
Caucasum vel quae loca fabulosus
lambit Hydaspes.

namque me silva lupus in Sabina,
dum meam canto Lalagen et ultra
terminum curis vagor expeditis,
fugit inermem;

quale portentum neque militaris
Daunias latis alit aesculetis
nec Iubae tellus generat, leonum
arida nutrix.

Тоть, кто чистъ душою безъ изъяна,
Можеть въ путь копыя съ собой не брать,
Можеть онъ не снаряжать колчана,
Стрѣль не отравлять.

Что ему далекихъ горъ азійскихъ
Негостепріимный лабиринтъ,
Злой прибой у береговъ ливійскихъ,
Баснословный Индъ.

Безоружный, Лалагъ въ чащобѣ
Пѣснь пою. Сабинскій не страшить
Волкъ меня – пусть въ самой ярой злобѣ
Мимо онъ бѣжить;

А во всей Апуліи военной
Звѣря нѣтъ лютѣй подъ сѣнью дровъ;
Вскормленный пустыней раскаленной,
Не опаснѣй левъ.

pone me pigris ubi nulla campis
arbor aestiva recreatur aura,
quod latus mundi nebulae malusque
Iuppiter urget;

pone sub curru nimium propinqui
solis in terra domibus negata –
dulce ridentem Lalagen amabo,
dulce loquentem.

Брось меня среди полей бесплодныхъ
Тѣхъ, что южный вѣтеръ не живить,
Гдѣ Юпитеръ между тучъ холодныхъ
Навсегда сердить;

Къ солнцу брось меня подъ колесницу —
Холодомъ ли, зноемъ опалень,
Лалагу, болтливую шутницу,
Буду пѣть, влюбленъ.

Carmina I XXIII

Vitas inuleo me similis, Chloe,
quaerenti pavidam montibus aviis
matrem non sine vano
aurarum et siluae metu.

nam seu mobilibus veris inhorruit
adventus foliis seu virides rubum
dimovere lacertae,
et corde et genibus tremit.

atqui non ego te tigris ut aspera
Gaetulusve leo frangere persequor –
tandem desine matrem
tempestitiva sequi viro.

Олененокъ такъ отсталый
Ищетъ мать и весь дрожитъ,
Мчится опрометью въ скалы —
Чуть листва гдѣ зашуршитъ.

Если ящерка иглою
Въ ежевикѣ промелькнетъ,
Страхъ охватываетъ Хлою,
Сердце вдругъ захолонетъ.

Я не левъ разсвирѣпѣлый,
Полно прятаться за мать —
Время Хлоѣ подоспѣло
Мужа нѣжнаго узнать.

Carmina I XXVIII

Te maris et terrae numeroque carentis harenae
    mensorem cohibent, Archyta,
pulveris exigui prope litus parva Matinum
    munera, nec quicquam tibi prodest
aerias temptasse domos animoque rotundum
    percurrisse polum morituro.

occidit et Pelopis genitor, conviva deorum,
    Tithonusque remotus in auras,
et Iovis arcanis Minos admissus, habentque
    Tartara Panthoiden iterum Orco
demissum, quamvis clipeo Troiana refixo
    tempora testatus nihil ultra
nervos atque cutem morti concesserat atrae;
    iudice te non sordidus auctor
naturae verique. sed omnis una manet nox
    et calcanda semel via leti.
dant alios Furiae torvo spectacula Marti,
    exitio est avidum mare nautis;
mixta senum ac iuvenum densentur funera. nullum
    saeva caput Proserpina fugit.
‘Me quoque devexi rapidus comes Orionis
    Illyricis Notus obruit undis.

Числа не имѣеть песокъ, ну а все же
Исчислень Архитомъ,
Под малою горкой песка все того же
На взморьѣ зарытымъ.
Пусть мысль и понижетъ воздушную бездну,
А все я исчезну.

Пируя съ богами, не жди ты пощады —
Припомни Тантала.
Не умерь Тиѳонъ, да гдѣ жъ та цикада,
Что въ небѣ пропала?
Будь щить и Евфорба, и съ нимъ — Пиѳагора,
Пусть смертно — лишь тѣло,
Но въ Оркъ уже оба спустились безъ спора,
И кончено дѣло.
И всѣхъ насъ единая ночь ожидаетъ,
Мы всѣ той тропою
Разъ выйдемъ. И искоса Марсъ наблюдаетъ
За каждой судьбою.
Всѣхъ — юныхъ и старыхъ — смѣшавъ, не считая,
Возьметъ Прозерпина.
Какъ страшно въ Иллиріи выла, глотая
Корабль мой, пучина.

at tu, nauta, vagae ne parce malignus harenae
    ossibus et capiti inhumato
particulam dare; sic, quodcumque minabitur Eurus
    fluctibus Hesperiiis, Venusinae
plectantur silvae te sospite, multaue merces,
    unde potest, tibi defluat aequo
ab Iove Neptunoque sacri custode Tarenti.
    neglegis inmeritis nocituram
postmodo te natis fraudem committere? fors et
    debita iura vicesque superbae
te maneant ipsum. precibus non linquar inultis,
    teque piacula nulla resolvent.

quamquam festinas, non est mora longa; licebit
    iniecto ter pulvere curras.'

Песка хоть немного просыпъ изъ ладони
На черепъ бѣлесый —
И буря минуетъ, запутавшись въ кронѣ
Венузскаго лѣса.
Юпитеръ за даръ твой оплатитъ сторицей
Любыми благами,
Нептунъ разочтется изъ щедрой десницы —
Любимъ ты богами.
Забудешъ — потомъ не откупишься, плача.
Все местию вернется,
Безвинныхъ дѣтей покараю, удача
Навѣкъ отвернется.

Кто живъ, того къ большему не приневолишь.
Три горсти всего лишь!

Carmina I XXXI

Quid dedicatum poscit Apollinem
vates? quid orat de patera novum
fundens liquorem? non opimae
Sardiniae segetes feracis,

non aestuosae grata Calabriae
armenta, non aurum aut ebur Indicum,
non rura, quae Liris quieta
mordet aqua, taciturnus amnis.

premunt Calenam falce, quibus dedit
fortuna, vitem, dives ut aureis
mercator exsiccet culillis
vina Syra reparata merce,

dis carus ipsis, quippe ter et quater
anno revisens aequor Atlanticum
inpune. me pascunt olivae,
me cichorea levesque malvae.

frui paratis et valido mihi,
Latoo, dones et precor integra
cum mente, nec turpem senectam
degere, nec cithara carentem.

Что, Аполлона величая,
поэту вымолить дано?
Младое выплеснувъ вино,
Что просить, богу докучая?

Не знойныхъ калабрійскихъ стадъ,
И не сардинской жатвы тучной,
Не виллы, гдѣ рѣка беззвучно
Фруктовый омываетъ садъ.

Пускай владѣлецъ лозъ калийскихъ
Свой обрѣзаетъ виноградъ,
И пусть богаче во сто кратъ
Добытчикъ дивныхъ яствъ сврійскихъ,

Три раза побывавъ за годъ
На атлантическомъ просторѣ.
Оливки, мальва и цикорій
Спасутъ поэта отъ невзгодъ.

Такъ вотъ же, сынъ Латоны ярый,
Пошли мнѣ ясности ума
До смерти. Только смерть сама
Пусть разлучить меня съ киѳарой.

Carmina I XXXIII

Albi, ne doleas plus nimio memor
inmitis Glycerae, neu miserabilis
decantes elegos, cur tibi iunior
laesa praeniteat fide.

insignem tenui fronte Lycorida
Cyri torret amor, Cyrus in asperam
declinat Pholoen; sed prius Apulis
iungentur capreae lupis,

quam turpi Pholoe peccet adultero.
sic visum Veneri, cui placet inparis
formas atque animos sub iuga aenea
saevo mittere cum ioco.

ipsum me melior cum peteret Venus,
grata detinuit compede Myrtale
libertina, fretis acrior Hadriae
curvantis Calabros sinus.

Такъ ужъ, Тибулль, тебѣ плакать негоже —
Горестъ элегій своихъ поумѣрь,
Если другого, тебя помоложе,
Гликера любить теперь.

Челку спустивъ свою, къ Киру стремится
Страстно Ликорида, къ Филѣ же Киръ —
Волкъ апулійский совокупится
Раньше съ козой, чѣмъ сатиръ

Этотъ отъ Филы согласья добьется;
Разныхъ другъ съ другомъ подъ мѣдный яремъ
Втиснетъ Венера и послѣ смѣется —
Кто тамъ сойдется хоть съ кѣмъ?

Въ лучшую самъ я влюбленъ, только проченъ
Узелъ, что Мирталу держать со мной —
Съ ней я какъ брегъ калабрійскій источенъ
Вольной и злобной волной.

Carmina I XXXVII

Nunc est bibendum, nunc pede libero
pulsanda tellus, nunc Saliaribus
ornare pulvinar deorum
tempus erat dapibus, sodales.

antehac nefas depromere Caecubum
cellis avitis, dum Capitolio
regina dementis ruinas
funus et imperio parabat

contaminato cum grege turpium,
morbo virorum, quidlibet inpotens
sperare fortunaque dulci
ebria. sed minuit furorem

vix una sospes navis ab ignibus
mentemque lymphatam Mareotico
redegit in veros timores
Caesar ab Italia volentem

remis adurgens, accipiter velut
mollis columbas aut leporem citus
venator in campis nivalis
Haemoniae, daret ut catenis

Въ землю бить ногою будемъ,
Будемъ невозбранно пить,
У стола не позабудемъ
Милыхъ Ларь установить.

День назадъ безумьемъ было
За кекубскимъ въ погребъ лѣзть —
Въявь царица намъ грозила
Капитолій въ прахъ разнести.

Черныхъ дѣлъ счастливымъ ходомъ
Опьяненная вполнѣ,
Со своимъ опаснымъ сбродомъ
Подступала, но въ огнѣ

Лишь одна и не сгорѣла,
Развернувъ корабликъ вспять;
Сокъ лозы марейской спѣлой
Даль ей храбрости бѣжать.

Ястребомъ за ней пустился
Кесарь, грозень и свирѣпъ, —
Какъ онъ въ цѣпи взять стремился
Это чудище судьбы!

fatale monstrum; quae generosius
perire quaerens nec muliebriter
expavit ensem nec latentis
    classe cita reparavit oras,

ausa et iacentem visere regiam
vultu sereno, fortis et asperas
    tractare serpentes, ut atrum
    corpore conbiberet venenum,

deliberata morte ferocior,
saevis Liburnis scilicet invidens
    privata deduci superbo
    non humilis mulier triumpho.

Только гордая царица
Одолѣла женскій страхъ,
Хоть могла и быстро скрыться
При попутныхъ ей вѣтрахъ.

Міръ окинувъ взоромъ смѣлымъ,
Злобныхъ змей клубокъ взяла,
Сжала руку и всѣмъ тѣломъ
Жадно ядь ихъ приняла.

Умерла она царицей,
Не про Кесаря та честь —
Плѣнницей, за колесницей
Въ свой триумфъ ее провестъ.

Carmina I XXXVIII

Persicos odi, puer, adparatus,
displicent nexae philyra coronae;
mitte sectari, rosa quo locorum
sera moretur.

simplici myrto nihil adlabores
sedulus curo. neque te ministrum
dedecet myrtus, neque me sub arta
vite bibentem.

Персидскихъ не люблю изобрѣтеній,
Хитросплетеній лыковыхъ не множь,
И розъ предсмертнаго цвѣтенья
О мальчикъ, не тревожь.

Простаго мирта, если спросишь,
Нѣтъ лучше украшенья для волосъ —
Когда ты мнѣ вино подносишь
Подъ сѣнью этихъ лозъ.

Carmina II III

Aequam memento rebus in arduis
servare mentem, non secus in bonis
ab insolenti temperatam
laetitia, moriture Delli,

seu maestus omni tempore vixeris,
seu te in remoto gramine per dies
festos reclinatum bearis
interiore nota Falerni.

quo pinus ingens albaque populus
umbram hospitem consociare amant
ramis? quid obliquo laborat
lympha fugax trepidare rivo?

huc vina et unguenta et nimium brevis
flores amoenae ferre iube rosae,
dum res et aetas et sororum
fila trium patiuntur atra.

cedes coemptis saltibus et domo
villaque flavos quam Tiberis lavit,
cedes et exstructis in altum
divitiis potietur heres.

Равнодушіе въ буйномъ весельѣ,
И когда повороты круты
    Сохраняй, друже Деллій,
    Помня — смертенъ и ты.

Пусть тоска весь твой вѣкъ непомѣрна,
Или выдастся праздничный день,
    Чтобъ съ амфорой Фалерна
    Могъ улечься ты въ тѣнь —

Для чего переплелъ серебрястый
Вѣтви тополь съ могучей сосной?
    Ключъ зачѣмъ этотъ чистый
    Бьетъ холодной волной?

Ароматами розъ наслаждайся,
Пусть вина принесутъ — будемъ пить;
    Перерѣжетъ намъ Айса
    Скоро черную нить.

Домъ отстроенный, садъ по сосѣдству,
Омываемый желтой рѣчкой,
    Заберутъ какъ наслѣдство —
    Безразличной рукой.

divesne prisco natus ab Inacho
nil interest an pauper et infima
de gente sub divo moreris,
victima nil miserantis Orci.

omnes eodem cogimur, omnium
versatur urna serius ocus
sors exitura et nos in aeternum
exilium inpositura cumbae.

И того, кто знатнѣе, чѣмъ Инахъ,
И того, кто былъ въ рабствѣ рождень,
Ждетъ въ бездонныхъ глубинахъ
Безпощадный Плутонъ.

И влечетъ насъ все ниже по склону,
Жребій разный, а все къ одному —
Плыть намъ въ лодкѣ Харона
Въ непроглядную тьму.

Carmina II XX

Non usitata nec tenui ferar
pinna biformis per liquidum aethera
vates, neque in terris morabor
longius invidiaque maior

urbis relinquam. non ego, pauperum
sanguis parentum, non ego, quem vocas,
dilecte Maecenas, obibo
nec Stygia cohibebor unda.

iam iam residunt cruribus asperae
pelles et album mutor in alitem
superne nascunturque leves
per digitos umerosque plumae.

iam Daedaleo notior Icaro
visam gementis litora Bosphori
Syrtisque Gaetulas canorus
ales Hyperboreosque campos.

Буду взнесенъ по прозрачному небу
Я, двуединъ, на могучихъ крылахъ.
И ничего не оставлю въ потребу
Зависти жалкой въ земныхъ городахъ.

Рода незнатнаго, другъ Мецената,
Что обращался какъ равный со мной,
Смерти избѣгну я — лебедь крылата
Не захлебнется стигійской волной.

Кожа на голеняхъ стала шершава,
Жесткія перья выросли на спинѣ,
Крылья расправились слѣва и справа —
Бѣлый какъ снѣгъ я парю въ вышинѣ!

Весело мчусь я быстрѣ Икара
Бурѣ бушующей наперекоръ;
Слышу дыханье ливійскаго жара,
Вижу завьюженный черный Босфоръ,

me Colchus et qui dissimulat metum
Marsae cohortis Dacus et ultimi
    noscent Geloni, me peritus
        discet Hiber Rhodanique potor.

absint inani funere neniae
luctusque turpes et querimoniae;
    conpesce clamorem ac sepulcri
        mitte supervacuos honores.

Въ небѣ Колхиды я съ кликами рѣю,
Пѣсней своею прославленъ и гордъ —
Скифы внимають ей, гипербореи,
Даки, что нашихъ страшатся когорть.

У опустѣлой не плачьте могилы,
И ни къ чему этотъ жалобный стонъ,
Вопли угрюмы, и пѣсни унылы —
Почести мнимыхъ моихъ похоронъ.

Carmina III XII

Miserarum est neque amori dare ludum neque dulci
mala vino lavere, aut exanimari
metuentis patruae verbera linguae.

tibi qualum Cythereae puer ales, tibi telas
operosaeque Minervae studium aufert,
Neobule, Liparaei nitor Hebri,

simul unctos Tiberinis umeros lavit in undis,
eques ipso melior Bellerophonte,
neque pugno neque segni pede victus,

catus idem per apertum fugientis agitato
grege cervos iaculari et celer arto
latitantem fruticeto excipere aprum.

Никого не полюбишь, и вина не пригубишь,
Дядя высмотреть и осмѣть —
Взаперти Необула живетъ.

Но корзинку для пряжи ты уронишь, и даже
Всю работу утянетъ изъ рукъ
Влажной пѣны проказливый внукъ —

Лишь увидишь, какъ воинъ, горделиво спокоенъ,
Въ воды Тибра по поясъ зайдетъ,
Смоетъ ма́сла и бронзой сверкнетъ.

Вепря приметъ на пику, скачку вынеся дику,
Лань догонитъ что вѣтеръ степной.
Хуже всадникъ его — Гипноной.

Carmina III XXVI

Vixi puellis nuper idoneus,
et militavi non sine gloria;
nunc arma defunctumque bello
barbiton hic paries habebit,

laevom marinae qui Veneris latus
custodit: hic, hic ponite lucida
funalia et vectis et arcus
oppositis foribus minacis.

o quae beatam diva tenes Cyprum et
Memphin carentem Sithonia nive,
regina, sublimi flagello
tange Chloen semel arrogantem.

Дѣвушки долго мнѣ вѣдали цѣну,
Я возвращался отъ нихъ не безъ славы.
Сдалъ я оружье — повѣсилъ на стѣну
Въ храмѣ Венеры, отъ входа направо,

Свой барбитонъ столь призывно веселый,
Факель для тайной полночной охоты,
Лукъ мой любимый, и ломикъ тяжелый,
Часто въ закрытыя бившій ворота.

Брось же, богиня, ты Мѣмфисъ безснѣжный,
Кипра далекаго берегъ священный,
Бичъ подыми и хлестни имъ по нѣжной
Кожѣ красавицы Хлои надменной.

Carmina III XXX

Exegi monumentum aere perennius
regalique situ pyramidum altius,
quod non imber edax, non aquilo impotens
possit diruere aut innumerabilis

annorum series et fuga temporum.
non omnis moriar multaue pars mei
vitabit Libitinam; usque ego postera
crescam laude recens, dum Capitolium

scandet cum tacita virgine pontifex.
dicar, qua violens obstrepit Aufidus
et qua pauper aquae Daunus agrestium
regnabit populorum, ex humili potens

princeps Aeolium carmen ad Italos
deduxisse modos. sume superbiam
quaesitam meritis et mihi Delphica
lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Трудъ окóнченъ мой. Статуи мѣдной прочнѣе
То, что создалъ я, выше любыхъ пирамидъ.
Пусть шумить Аквилонъ, и пускай, леденѣя,
Вѣчность тянется — памятникъ мой устоитъ.

Либитины бѣжить то, что истинно мною
И звалось одно — и еще прирастетъ,
Буду славенъ, покуда съ весталкой нѣмою
Къ Капитолію жрецъ по ступенямъ идетъ.

Скажутъ пусть обо мнѣ — перелилъ онъ впервые
Эолійскія пѣсни въ родную латынь.
Даль онъ музыку намъ, и потоки живые
Потекли посреди нашихъ сельскихъ пустынь.

Родомъ низокъ, я къ высямъ вознесся изъ тлѣна;
По заслугамъ моимъ и по волѣ своей,
Возгордившись поэтомъ такимъ, Мельпомена,
Лавромъ пышнымъ меня увѣнчай поскорѣй.

Carmina IV I

Intermissa, Venus, diu
rursus bella moves?
parce precor, precor.
non sum qualis eram bonae
sub regno Cinarae.
desine, dulcium

mater saeva Cupidinum,
circa lustra decem
flectere mollibus
iam durum imperiis; abi,
quo blandae iuvenum
te revocant preces.

tempestivius in domum
Pauli purpureis
ales oloribus
comissabere Maximi,
si torrere iecur
quaeris idoneum.

За старое, Венера, снова?
Прости меня, прости —
    свое отвоеваль!
Поди-ка поищи другого —
А я давно не тотъ,
    что съ Кинарой бывальъ.

Страстей жестокихъ мать! Не мужу
Пятидесяти лѣтъ
    сгибаться предъ тобой,
Я кротости не обнаружу —
Ступай къ молоденькимъ,
    что жадно рвутся въ бой,

Хоть къ Павлу Максиму. Какая
Гостепріимнѣй грудь
    для страсти въ наши дни?
Такъ выбери его. Сверкая,
Лебедекрылая,
    его воспламени!

namque et nobilis et decens
et pro sollicitis
non tacitus reis
et centum puer artium
late signa feret
militiae tuae,

et, quandoque potentior
largi muneribus
riserit aemuli,
Albanos prope te lacus
ponet marmoream
sub trabe citrea.

illic plurima naribus
duces tura lyraque
et Berecynthia
delectabere tibia
mixtis carminibus
non sine fistula;

illic bis pueri die
numen cum teneris
virginibus tuum
laudantes pede candido
in morem Salium
ter quatient humum.

me nec femina nec puer
iam nec spes animi
credula mutui
nec certare iuvat mero
nec vincere novis
tempora floribus.

Онъ вышелъ статью, благородень,
Въ судѣ краснорѣчивъ
и убѣдитъ легко,
Онъ — къ сотнѣ дѣлъ иныхъ пригодень —
Твой стягъ воинственный
продвинетъ далеко,

И всѣхъ соперниковъ влюбленныхъ,
Смѣясь, побѣдитъ
роскошествомъ щедротъ,
Подъ сѣнью деревъ лимонныхъ
Воздвигнувъ идолъ твой
вблизи Албанскихъ водъ.

И тамъ, вдыхая ароматы,
Средь стройныхъ звуковъ флейтъ
и берекинтскихъ лиръ,
Очарованіемъ объятый,
Чудесно оживетъ
твой мраморный кумиръ.

Юнцы и дѣвы оробѣлы
Смиренно притекутъ
твой истуканъ хвалить,
Какъ саліи, ногою бѣлой
Трикраты по землѣ,
приплясывая, бить.

Не милы мнѣ онѣ. Не вѣрю
Отвѣтной страсти ихъ —
для нихъ я слишкомъ старъ;
Вѣнка къ главѣ я не примѣрю,
Горчить мое вино,
остыль любовный жаръ.

sed cur, heu, Ligurine, cur
  manat rara meas
    lacrima per genas?
cur facunda parum decoro
  inter verba cadit
    lingua silentio?

nocturnis ego somniis
  iam captum teneo,
    iam volucrem sequor
te per gramina Martii
  campi, te per aquas,
    dure, volubilis.

Но рѣчь моя вдругъ замолкаетъ,
Зачѣмъ, мой Лигуринъ?

Откуда? — не пойму —
Вдругъ по щекѣ слеза стекаетъ,
Ко всѣмъ замѣтному
смущенью моему.

Жестокъ ко мнѣ ты въ сновидѣннѣ,
Когда я слѣдую,

угрюмой страсти полнѣ,
Повсюду за летучей тѣнью —
На полѣ Марсовомъ,
среди бѣгущихъ волнѣ.

Carmina IV VII

Diffugere nives, redeunt iam gramina campis
arboribusque comae;
mutat terra vices, et decrescentia ripas
flumina praetereunt.

Gratia cum Nymphis geminisque sororibus audet
ducere nuda choros.
immortalia ne speres, monet annus et almus
quae rapit hora diem.

frigora mitescunt Zephyris, ver proterit aestas,
interitura, simul
pomifer autumnus fruges effuderit, et mox
bruma recurrit iners.

damna tamen celeres reparant caelestia lunae –
nos ubi decidimus
quo pius Aeneas, quo dives Tullus et Ancus,
pulvis et umbra sumus.

quis scit an adiciant hodiernae crastina summae
tempora di superi?
cuncta manus avidas fugient heredis, amico
quae dederis animo.

Снѣги сошли, и деревья одѣлись листвою,
Зазеленѣли призывно луга;
Ликъ измѣнивъ свой, омылась земля синевою,
Рѣки вернулись въ свои берега.

Грація юная, смѣлой гордясь наготою,
Тянетъ сестеръ за собой въ хороводъ.
Ты — не безсмертенъ, не тѣшишься надеждой пустою —
Скажетъ тебѣ обновившійся годъ.

Стужа ушла из-за теплаго натиска юга,
Лѣто прогнать весну въ свой чередъ,
Осень плоды принесетъ, но воротится вьюга,
Глядь — и зима свое снова вернетъ.

Меркнетъ луна, но опять возраждается въ силѣ.
Мы — исчезаемъ отсюда навѣкъ.
Вслѣдъ за Энеемъ и Марцій ушелъ, и Хостилій —
Тѣнь лишь и прахъ на землѣ человѣкъ.

Знаетъ ли кто, что случится на утро другое?
Лишняго дня не прибавишь себѣ.
Быстро наслѣдникъ придетъ и тебѣ дорогое
Схватитъ рукой въ ненасытной алчбѣ.

cum semel occideris et de te splendida Minos
fecerit arbitria,
non, Torquate, genus, non te facundia, non te
restituēt pietas.

infernīs neque enim tenebris Diana pudicum
liberat Hippolytum,
nec Lethaea valet Theseus abrumpere caro
vincula Pirithoo.

Коли, Торкватъ, попадешься подь острую косу —
То краснорѣчье уже ни къ чему.
Мертвый, услышишь ты судъ непреклонный Миноса
И ничего не отвѣтишь ему.

Ни Ипполита Діана спасти не сумѣла,
Ни Пириѳоя отважный Тезей —
Въ мракѣ летейскомъ сжимають безмолвное тѣло,
Все неразбитыя, триста цѣпей.

Carmina IV XII

Iam veris comites, quae mare temperant,
inpellunt animae lintea Thraciae;
iam nec prata rigent nec fluvii strepunt
hiberna nive turgidi.

nidum ponit Ityn flebiliter gemens
infelix avis, et Cecropiae domus
aeternum opprobrium, quod male barbaras
regum est ultra libidines.

dicunt in tenero gramine pinguium
custodes ovium carmina fistula
delectantque deum, cui pecus et nigri
colles Arcadiae placent.

adduxere sitim tempora, Vergili;
sed pressum Calibus ducere Liberum
si gestis, iuvenum nobilium cliens,
nardo vina merebere.

nardi parvus onyx eliciet cadum,
qui nunc Sulpiciis accubat horreis,
spes donare novas largus amaraque
curarum eluere efficax.

Вѣтеръ весенній изъ Фракіи дуетъ,
Парусъ наполненъ, и море безбрежно,
Горныя рѣки давно не бушуютъ,
Поле — безснѣжно.

Итиса помня, сестра Филомелы
Плачетъ, но домикъ свой лѣпитъ скорѣе;
Страшнымъ отмстила за страшное дѣло
Звѣрю Терю.

Овцы лѣнивыми бродятъ стадами,
Тихо чаруютъ свирѣли пастушьи,
И надъ зелеными дремлетъ холмами
Богъ въ благодушьи.

Милости знатныхъ юнцовъ не лишенный,
Горло, Вергилій, такъ сушить весною!
Коли мнѣ народъ принесешь благовонный —
Погребъ открою!

Нарда кувшинчикомъ — пусть самый малый! —
Выманить пиво съ оттуда огромный —
Сразу тоски нашей какъ не бывало,
Горькой и темной.

ad quae si properas gaudia, cum tua
velox merce veni; non ego te meis
immunem meditor tinguere poculis,
plena dives ut in domo.

verum pone moras et studium lucri
nigrorumque memor, dum licet, ignium
misce stultitiam consiliis brevem –
dulce est desipere in loco.

Не потерялъ я вконецъ еще разумъ,
Я не транжира, и невѣроятно
То, что ты пиѣешь калійскаго разомъ
Выпьешь бесплатно!

Жадность оставь свою, вспомни — все ближе
Черный и мрачный костеръ погребальный;
Сладко забыться намъ — такъ приходи же
Пить безпечно!

Index

I I	Maecenas atavis...	6
I II	Iam satis terris nivis atque dirae...	10
I III	Sic te diva potens Cypri...	16
I IV	Solvitur acris hiems...	20
I V	Quis multa gracilis...	22
I IX	Vides ut alta stet...	24
I XI	Tu ne quaesieris...	28
I XIII	Cum tu, Lydia, Telephi...	30
I XVIII	Nullam, Vare, sacra...	32
I XXII	Integer vitae scelerisque purus...	34
I XXIII	Vitas inuleo me similis...	38
I XXVIII	e maris et terrae...	40
I XXXI	Quid dedicatum poscit Apollinem...	44
I XXXIII	Albi, ne doleas...	46
I XXXVII	Nunc est bibendum...	48
I XXXVIII	Persicos odi, puer, adparatus...	52
II III	Aequam memento rebus...	54
II XX	Non usitata nec tenui...	58
III XII	Miserarum est neque amori...	62
III XXVI	Vixi puellis nuper idoneus...	64
III XXX	Exegi monumentum...	44
IV I	Intermissa, Venus, diu...	68
IV VII	Diffugere nives...	74
IV XII	Iam veris comites...	78

I IV	Правнукъ — царямъ...	7
I II	Тонемъ мы въ снѣгу...	11
I III	Да отпустить Эоль изъ пещеры...	17
I IV	Подъ западнымъ вѣтромъ...	21
I V	И розовый запахъ...	23
I IX	Смотри — въ снѣгу Сорактъ...	25
I XI	Непотребны, Левконоя...	29
I XIII	Лидія, я — каменью...	31
I XVIII	Около Тибура, за его оградой...	33
I XXII	Тотъ, кто чистъ душою...	35
I XXIII	Олененокъ такъ отсталый...	39
I XXVIII	Числа не имѣетъ песокъ...	41
I XXXI	Что, Аполлона величая...	45
I XXXIII	Такъ ужъ, Тибулъ...	47
I XXXVII	Въ землю бить ногою будемъ...	49
I XXXVIII	Персидскихъ не люблю...	53
II III	Равнодушіе въ буйномъ весельѣ...	55
II XX	Буду взнесенъ...	59
III XII	Никого не полюбишь...	63
III XXVI	Дѣвушки долго мнѣ вѣдали цѣну...	65
III XXX	Трудъ оконченъ мой...	67
IV I	За старое, Венера, снова...	69
IV VII	Снѣги сошли...	75
IV XII	Вѣтеръ весенній изъ Оракіи дуетъ...	79

ГОРАЦИЙ

Избранные оды

Перевод с латинского
Алексея Кокотова

Изображение на обложке:
William Godward
Youth and Time

© Кокотов А. Ю., 2016
© Aeterna Publishing, 2016
© Lulu Press, 2016

УДК 82-14
ББК 84(0)3-5

ISBN 978-1-304-62005-7